МАЙ 1928 г.

№ 19

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ЦЕНА 15 КОП.

Рис. В. Сварога

— Купите премированную собаку.
— А кто ее родители?
— При чем здесь родители? Чай, не в союз и не в вуз ей поступать!

НОВГОРОДСКИЙ СОЛОМОН

При апендиците, как известно, нельзя давать касторку: она всегда вызывает ухудшение, а иногда и смерть. Лет тридцать тому назад только этим лошадиным средством и определялся, однако, диагноз болезни. Больному давали касторку. Если помер — значит это был апендицит; если вынес, значит надо разобраться, в чем же тогда дело, и лечить.

Наука, как известно, шагает вперед: касторка в этих случаях теперь запрещена, и людям предоставлено умирать без нее.

Серьезно же говоря, никому не придет сейчас в голову, как это делали в минувшие века, закладывать человеку, чтобы убедиться, что он невосприимчив к заразе, пропитанную чумным ядом корпию в нос, прежде чем выпустить его из карантина.

Мы говорим — в голову, твердо имея, конечно, в виду круг людей, туловища которых действительно украшены сей чем-нибудь начиненной деталью. Люди без голов, правда, не встречаются; но качество продукта, содержащегося в этих головах,— сколь часто бывает оно, говоря словами популярного сравнения, ниже довоенного уровня!

Например, товарищ Зарембовский, педагог и администратор березинской школы в новгородской губернии. Близкие и начальство никогда не замечали отсутствие головы на его плечах; его лысина всегда сияет, напротив, даже невооруженным глазом видимая за версту.

Но блестит, как известно, не только золото, а и чищеная медь на клепке. Что толку в голове, как таковой, раз неизвестно, что именно под сей административной лысиной таится?

Товарищ Зарембовский отчасти сродни тому педагогу у Лескова, который говорит, что он не любитель свободы и не может равнодушно оней потворствовать; с другой же стороны он немножко Шерлок Холмс от природы.

Этакий аналитический склад холодного ума, этакая проницательность детектива во взгляде, этакое несравненное уменье читать, как по открытой книге, в потаенных человеческих сердцах.

Из сочетания двух этих качеств вытекло то последствие, что Зарембовский решил конфиденциально, лично и неожиданно проверить, не распространено ли преступное курение табака во вверенной ему школе.

Наружное наблюдение и искусный замаскированный опрос остальных педагогов, уборщиц, цвейцара, канцеляриста, буфетчицы и самих предполагаемых молодых преступников — никаких осязательных результатов не дал; нет, не курят, как будто, не замечалось!

Но деятельный ум Зарембовского этим удовлетвориться не мог: мало ли что говорят!

Виноватые всегда стараются замести следы, педагоги потворствуют свободам, а у буфетчицы вон как челюсть выперла, и дегенеративная плешинка, вдобавок, на голове! Может, она сама из преступной семьи!..

Зарембовский решил произвести выборочное обследование. Из разных групп были вызваны и предстали перед ним семеро ребят.

— Курите? — насквозь пронизывая трепещущие фигурки сощуренным своим острым взглядом, спросил Зарембовский.

— Что вы, Павел Иванович! Да отку...

— Ну, ну!— строго сказал Зарембовский:— меня не проведешь! Мне, брат, все известно. Сядьте!

Они сели. Он достал из стола заранее приготовленную пачку крепчайшей махорки „Рыбак № 13“ и свернул каждому из них по огромной и толстой козьей ноге.

— Вот сейчас посмотрим...

Его расчет был прост, как и опыты с касторкой, которую для выяснения медицинской истины давали больным апендицитикам тридцать лет тому назад. Если они курят вообще — особого действия махорка не окажет; если не курят, от такого табачка обязательно упадут в обморок. Сомнениям не будет больше места, возможность ошибки исключена!

Ребята закурили; они закашлялись после первой же затяжки и стали чихать.

— Без фокусов, чихать дома будете!— сказал педагог:— меня, брат, все равно не проведешь!

Клубы крепчайшего, едкого дыма наполнили комнату; у пятерых из ребят началась рвота, двое сидели, икая, с зелеными лицами и мутными глазами.

— А ну-ка еще!— сказал новгородский Соломон...

После второй папиросы все семеро, действительно, впали в полуобморочное состояние; они шатались, как пьяные, сидя на стульях, их рвало, и на бледных их перекошенных лицах выступил холодный, липкий пот. Было очевидно, что эти семеро не курят; но другие?

— Идите!— сказал Зарембовский:— да того... пришлите следующих семерых. У меня чтобы ни чирчир, я все равно докопаюсь! Я всю школу так пропущу!

И он открыл и показал ящик, доверху набитый махоркой „Рыбак № 13“. Ребята вышли, вернее выползли кое-как, шатаясь и хватаясь за дверные косяки, из его кабинета и ничего не были даже в состоянии об'яснить ожидавшим покорно своей очереди в корридоре новым семерым жертвам детективно-педагогического ума и темперамента начальства. Начальство, вскрыв вторую пачку, крутило семь новых козьих ножек...

Конечно, великое дело административная бдительность. Пресекать и не допускать! Но если дело с табаком кончилось всего только повальным обмороком в школе, то как проверить по той же педагогической системе, не проник ли во вверенную школу зеленый змий, скажем?

Выставить по четверти казенного вина на каждого школяра, очевидно?

Кто выпьет и ничего — значит наследственный алкоголик и социально опасный элемент; а если приключится с юношей горячка, и он полезет ловить чертей на стену — это, видать, не пьющий, сознательный трезвенник, украшение школьного коллектива.

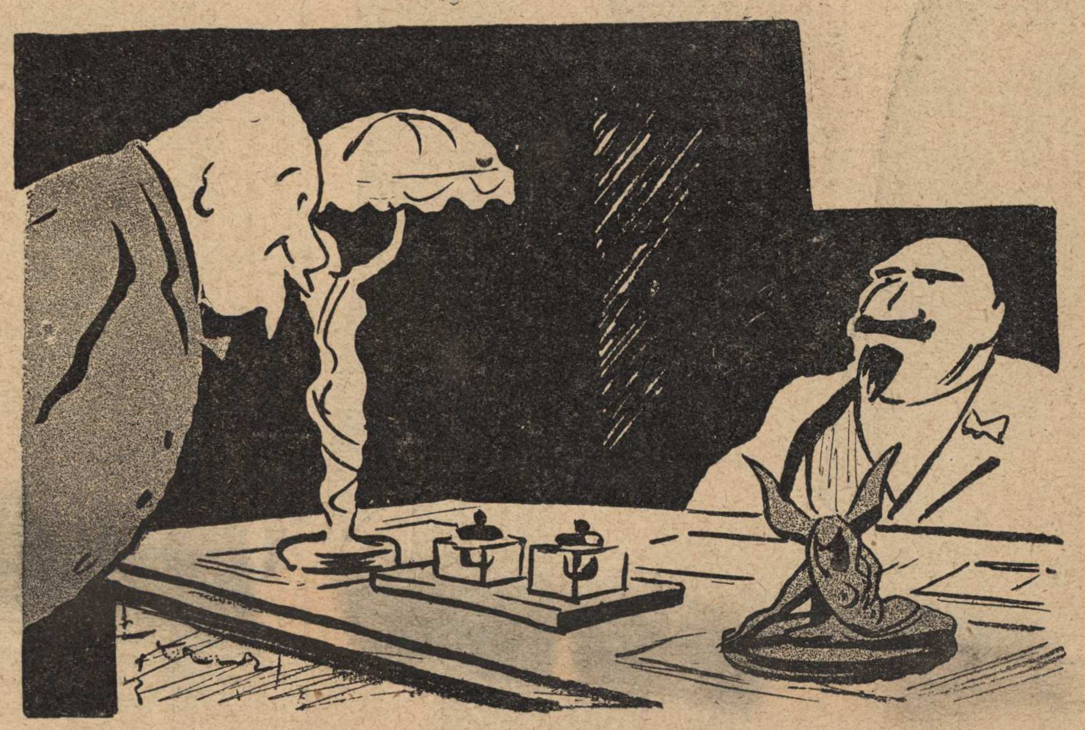
Оригинально, конечно. Но сколько, спрашивается, уцелеет в итоге такого административно-детективного рвения и восторга, если они расцветут во всем их возможном великолепии, детей в этой школе?

И как по этой же методе удостовериться в качестве содержимого наблюдающейся у Зарембовского головы, коль скоро есть подозрения, что этот предмет на плечах новгородского Соломона заключает в себе коровью болтушку из отрубей вместо мозгов?

А. Зорич

Рис. Н. Радлова

НАЧИНАЕТСЯ!..

— Слушайте, голубчик, вы, конечно, можете заниматься самокритикой. Самокритика вполне допустимая вещь, но вы, к сожалению, позволяете себе заниматься критикой ближайшего начальства! Этого я не потерплю!

ЧОРТ В СТРАХКАССЕ

Рис. Б. Малаховского

В наших страхкассах до сих пор существуют непрерывные „хождения по мукам“.

СТАРУХА: — **А ты как сюда попал?**
ЧОРТ: — **Я, тетушка, по командировке из ада-с, на предмет изучения наиболее тонких пыток современности.**

КРАСНАЯ ФУТБОЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

Советским футболистам отказано в визе для в‘езда во Францию.
Тасс.

Франция. Париж. Эйфелева башня. Собор Парижской богоматери. Банки. Биржа. Пуанкаре. И другие достопримечательности.

Пуанкаре. Где генерал Фош? Когда не нужен, всегда торчит перед глазами, а когда нужен, — днем с огнем не сыскать его. Настоящий ночной генерал.

Секретарь. Звонил к нему с утра. Ответили, что генерал Фош сегодня в дело не может быть употреблен. С утра марширует по комнате и сам себе командует: первая колонна марширует на Москву; вторая колонна марширует на Ленинград; третья колонна обходит Коминтерн; четвертая идет на МОПР. Не в себе генерал.

Пуанкаре. „Не в себе“. Подумаешь! На всех генералов один комар на хвосте мозгу принес. И тот остальные расхватали. Фошу ничего не досталось. В голове у него чисто. Нечему там „мешаться“ или „путаться“. Не в себе! Немедленно доставить сюда.

Секретарь. Будет исполнено.

Входит Бриан. Пока он здоровается с Пуанкаре, усаживается, расспрашивает о здоровьи, входит генерал Фош.

Пуанкаре. Вот и отлично. Садитесь, генерал. Я вас пригласил, господа, затем, чтобы сообщить пренеприятную новость: к нам едут советские футболисты?

Фош. Я это предвидел. Великие полководцы все должны предвидеть. У гениальных полководцев должны быть заранее выработаны планы: план нападения и план обороны. Приезд советских футболистов — это нападение. И вот мой план обороны: первая колонна марширует на хавбеков; вторая колонна обходит форвардов; третья колонна дает бой бекам; четвертая колонна окапывается под Парижем. Танки у Вердена.

Бриан. Конечно, все это отлично. План нападения на советских футболистов и оборона против них вполне делает честь гению генерала Фоша. Все-таки думаю, что нужно было бы принять меры и мирного характера.

Пуанкаре. Да, да. И мирное и военное. Допустить их в Париж никак нельзя. Помилуйте: красные значки. Жетоны МОПР‘а. Красные флажки. А у нас теперь Морган гостит. Король золота...

При слове „золото“ у всех глаза наливаются кровью: вспоминается уплывшее из французских рук наше золото — десять миллионов рублей.

Бриан (гневно). Кстати, это и будет им месть... Золота ихнего не удалось получить из американского банка, так вот-же вам: не пустим ваших футболистов в Париж на состязание рабочих команд.

Пуанкаре (исступленно). Не допустить!.. Предписать Польше денно и нощно нести дозор на границе, чтобы ни один футбольный мяч не перелетел из СССР. Поставить Латвию на самую высокую крышу в Нарве, чтобы беспрерывно следить: не приближаются-ли к границе люди с футбольной наружностью. Дать Финляндии подержанную винтовку и поставить на часах...

Фош (марширует по комнате). Первая колонна марширует. Вторая колонна марширует... Все колонны маршируют... Танки маршируют... Аэропланы маршироуют...

Пуанкаре (набожно). Бог и святая дева спасут Францию.

Фош (продолжая шагать по комнате) Бог и святая дева маршируют...

Занавес.

О. Л. Д‘Ор

СТРОЙ—ВЕСНА

Довольно роз!
Низринем грезы!
Осточертел в цветах газон!
Беру образчик бедной прозы,—
„Пою“ строительный сезон.

Герой развалин заслуженный,
Задорен, бодр, как первый спич,
Встает на солнце обожженный
И омоложенный кирпич...

Поддавши жару шуткой хлесткой,
В азбест и мел погружена,
В‘езжает лихо в чан с известкой
Всештукатурная весна...

Скрипит кирпичная лебедка,
Родит сезонников земля,
И под пилу ложатся кротко
Сосновых досок штабеля.

В листы графленые одеты,
За стрекозою — стрекоза,
Вокруг постройки вьются сметы,
Авансы честно увязав.

Как пряно пахнет глиной, лесом
И потом дружного труда!..
И даль поддернута... процессом
Под кроткой сенью Губсуда...

Александр Флит

НА ДОКЛАДЕ

— Вот получен последний циркуляр...
— Кабы последний, а то завтра их снова кучу нашлют.

ТОРГОВАЯ ПРИЧИНА

— Смотри-ка, какое у этого приказчика помятое лицо!
— Что ж, вероятно товар лицом показывает.

УКРАИНСКАЯ НОЧЬ

Диканька электрифицирована.

Узнаете ли вы украинскую ночь? О, вы не узнаете украинской ночи! Всмотритесь в нее: по самой середине села горят лампы по 200 свечей. Земля вся в электрическом свете, воздух полон ампер и движет океан гектоуаттчасов.

Светлая ночь! Электрифицированная ночь!

Срублены белыми и зелеными вдохновенные леса. Неспокойны эти пруды: холод и мрак вод их угрюмо заключен в серые стены плотин. Облезлые черемухи изредка шепчут листьями, а в остальном — без последствий.

И вдруг все ожило. Заиграла гармошка, понеслись комсомольские песни. Где-то смачно переливалась заковыристая брань, и звенели изредка разбиваемые стекла, купленные в кредит в кооперативе.

Соловей, украинский соловей, хотел было спеть, но, вспомнив, что его песни идеологически не выдержаны, и сесть, кроме проволоки-антенны, не на что,— улетел. Месяц тоже почувствовал себя лишним: у него нехватило осветительных единиц для успешной борьбы с укрэлектростанцией.

Разочарованное стоит на возвышении село.

Песни умолкли. Стихла ругань. Благочестивые и безбожники уже спят. Только в окнах сельсовета горят четыре лампы по 25 свечей. Там реденькая кучка активистов слушает длинный и скучный отчет запоздалого докладчика из райпотребсоюза.

Электрофицировал *А. Стоврацкий*

Рис. В. Сварога

ПО ПРИВЫЧКЕ

— Эка запарился! Иванову, помню, раз звонить; Колтунову—два; Соловейчику—три. А вот сколько раз господу богу звонить,—право слово, запамятовал!

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

На углу Под'яческой белыми буквами по синему полю значилась вывеска:

Прачешное заведение
А. И. Скоробогатовой.

У входа были приколочены еще две рекламы: на одной расписана была крахмальная рубашка, а на второй — разбросанные белоснежные воротнички и манжеты. В задних комнатах, где стирали белье, было сыро и темновато. Передняя же была, наоборот, очень солнечной, и в ней Анна Ивановна с двумя помошницами гладили чистое белье. Гладильщицы, чтоб занять время, пели длинные, грустные песни, пристукивая белье утюгами.

— Хватит, девки, выть то!— говорила Анна Ивановна, когда ей надоедали песни.— Воете, воете, вон и солнце от вас прятаться начало.

Анна Ивановна аккуратно складывала скатерть и говорила тревожно:

— Ой, попадет этот Гаврилов когда нибудь. Видать, его теперь в рабстоловую перевели.

— А отчего вы думаете, Аниванна?— спрашивала помошница, пробуя обмусоленным пальцем утюг.

— Его ж метка К с минусом, а на скатерти то, гляди — казенная метка: „Епо". Служил в больнице, больничное белье таскал. А теперь наверное оттуда выгнали, так в столовую устроился. Ходовой парень!

Анна Ивановна ловко бросает выглаженную скатерть и берет скомканное полотенце. Она растягивает его и, приглядевшись к метке, говорит:

— Бедная это Вера Ивановна Холмина. Девичья это фамилия, помните такая в кудряшках заказчица заходила?

— Помним, — отвечают помощницы.

— Тоже не сладкое житье. Пять лет я ей стираю и сколько она за это время меток перепорола. Сначала была „В. К." за Колокольникова замуж вышла. Оказался пьяницей, всегда где-нибудь в драке, рукав от рубашки оторватый был. Потом стала „В. М." Михайлов этот тоже подлецом оказался. Бросил. А нынче вон „В. С." Сергеев, что ли, его фамилия...

— Анна Ивановна,— говорит вторая работница, вытирая рукавом пот со лба.— Чьи это воротнички: 42 номер, метка ваша: два креста?

— Это, девушка, аккуратно крахмаль. Это — товарища Сумкина. Очень ответственный человек...

Анна Ивановна улыбается.

— А тоже сначала обдергай обдергаем приехал. Не белье, а ремни были. Сам тощий, тридцать девятый номер носил воротнички пике. А потом стал толстеть и толстеть. Жалование ответственное и вон как разнесло его. 42 номер мал поди становится!..

Анна Ивановна бросает гладить и кричит в паровое отделение:

— Нюша! Сходи на, чердак, пощупай, не высохла ли блузка белая с крапинками, оборочки еще на груди.

И поясняет помощницам:

— Барышни Тюковой. Ей сегодня в театр идти. Обещала приготовить!

Вл. Тоболяков

„ПЕРЕХОДЯЩИЕ В ОВАЦИЮ“

Репортерам посвящаю

Вождь, о котором мы хотим сейчас рассказать, был скромным человеком.

Когда ему пришлось побывать в городе, где он родился, жил, вырос и работал, переименованном в его честь его именем, он потихоньку от всех пришел на завод, где раньше работал, повидаться со старыми товарищами.

Старые товарищи были ему рады. Они долго потихоньку беседовали с гостем, вспоминая старое, совместную работу, подпольную борьбу, проказы молодости и многое другое. Потом накормили вождя обедом в заводской столовой и сердечно с ним распрощались, проводив до ворот.

На второй день местная газета писала:

„Рабочие встретили тов. Х. бурными аплодисментами, перешедшими в овацию. Их радостному восторгу не было пределов. Дорогого гостя на руках пронесли прямо к станку, за которым он когда-то работал. Бешеные аплодисменты и пение „Интернационала“ сопровождало каждое слово дорогого гостя. Из помещения мастерских тов. Х. проследовал в столовую, где ознакомился с пищей. Отведав обыкновенный, простой, наш рабочий, мозолистый обед, тов. Х. согласился сняться в общей группе со своими старыми однокашниками, радости которых не было предела... Под стихийный взрыв рукоплесканий и медные звуки боевого пролетарского гимна тов. Х. отбыл, сопровождаемый громогласными раскатами „ура“ и другими бурными проявлениями восторженного энтузиазма...“

Вождь, не успевший еще к появлению заметки уехать из города, прочитав ее, ухватился за свою лысую голову и вырвал из нее последние волосы. Затем написал письмо в редакцию. В письме было сказано:

„Во вчерашнем отчете о том, как я побывал на заводе, вкралась маленькая неточность, а именно:

Во-первых, аплодисменты, которыми меня встретили, не могли быть бурными, потому что их вообще не было; во-вторых, ни к какому станку меня не носили, да я никогда за станком и не работал, так как был литейщиком. Совсем я не „выражал согласие“ сниматься, а, наоборот, сам попросил об этом своих старых приятелей. И никуда я не отбывал под медные звуки, а просто ушел.

С приветом Х.“

Письмо это было в газете помещено с примечанием от редакции:

„Справедливые замечания тов. Х. о некоторой неточности, которую позволил себе наш репортер во вчерашнем отчете, были встречены у нас с энтузиазмом и бурными аплодисментами, перешедшими в стихийную овацию...“

Сергей Карташов

ВУЗОВЕЦ

— Чем я не вузовец? Вчера зачет получил.

— Зачет? Чего?

— Предварительного. 3 месяца.

ПО ЗАСЛУГАМ

Рис. А. Радакова

Заводская пожарная охрана поставлена крайне плохо. На заводе „Пресс“ Машинотреста (недавно горел) брандмейстер Пимбер был пьян. На тревоге команда показала себя негодной.

— **Почему вы назначили этого типа брандмейстером?**
— **Он у нас заливать мастер.**

О ВРЕДЕ ТАБАКА

Вы только подумайте, — кивнул головой мой случайный сосед, заметив торчавшую из моего кармана пачку „Явы“. — Сколько энергии и сил ушло у вас на эту дрянь...

— Д-да, — вздохнул я, — ничего не поделаешь... 20 лет курю... Привычка.

— Привычка. Вот вы только что кашлянули, небось и туберкулез есть?

— Есть, — виновато улыбнулся я.

— Еще бы! — торжествующе засмеялся сосед. — Всякую дрянь в рот берете. Воздух себе и другим портите. Медленным самоубийством занимаетесь.

— Ну, что вы! — попытался я пошутить.

— Шутите? А знаете, сколько яду оседает на ваших легких от каждой паршивой „Явы“ или „Иры“? За 20 лет об'ем накопившегося яда равен об'ему двухэтажного дома с канализацией и радио.

— Ого!

— Вот, вам и „ого“! Каждая „Явочка“ вам сокращает жизнь на один день.

— Что вы говорите?

— То и говорю. Подсчитаем: 365 дней по 25 папирос будет — 9.125 папирос. Прибавим 875 папирос на экстренные заседания, на угощение товарищей, на недокурки и получим 10.000 папирос в год, т.-е. 200.000 за 20 лет. Ну, а 200.000 выкуренных вами папирос означает 548 потерянных вами лет. То-есть, это означает, что вы родились на 548 лет позже, чем если бы вы не курили!

— Какой ужас!..

— Дальше... Запах одной „Иры“ равен запаху выгребной ямы средней величины. То-есть, половину вашей жизни вы дышете не воздухом, а газами. Восьмая жизни у вас уходит на зажигание этой мокрой желтогрязной дряни, которую в Никотинпроме называют табаком. Каждые 100 коробок „Явы“ протирают в вашем кармане дырку величиной в 3 миллиметра. Таким образом, за всю вашу жизнь вы изнашиваете лишних 730 пар брюк. Мой искренний вам совет: если хотите жить, если вам жаль детей, немедленно бросьте эту дрянь! Пока не поздно, пожалейте свою молодость, свой организм, свою жизнерадостность. Не откладывайте ни на минуту! Или сейчас, или никогда!!!

— Пусть свершится! — крикнул я.

И коробка с „Явой“ полетела в окно.

— За это хвалю! — похлопал меня по колену сосед, — а теперь закурим.

— Что-о-о? — подпрыгнул я с койки. — Вы что же, издеваетесь надо мной? А еще доктор!.. В диспансере работает, друзей курить отговаривает, а сам курит!

Сосед недоумевающе взглянул на меня:

— Позвольте, кто вас отговаривал курить? Все, что я говорил, относилось к изделиям Никотинпрома, но никак не к продукции Нарымтабактреста, о котором я совершенно обратного мнения. Уговаривать вас вообще прекратить курение было с моей стороны глупо! Это дело врача и наркодиспансера, а не мое, заведующего местным отделением Нарымтабактреста, кем я и являюсь!

П. Банков

СМЕХАЧИНА

См. 10 и 11 страницы этого №

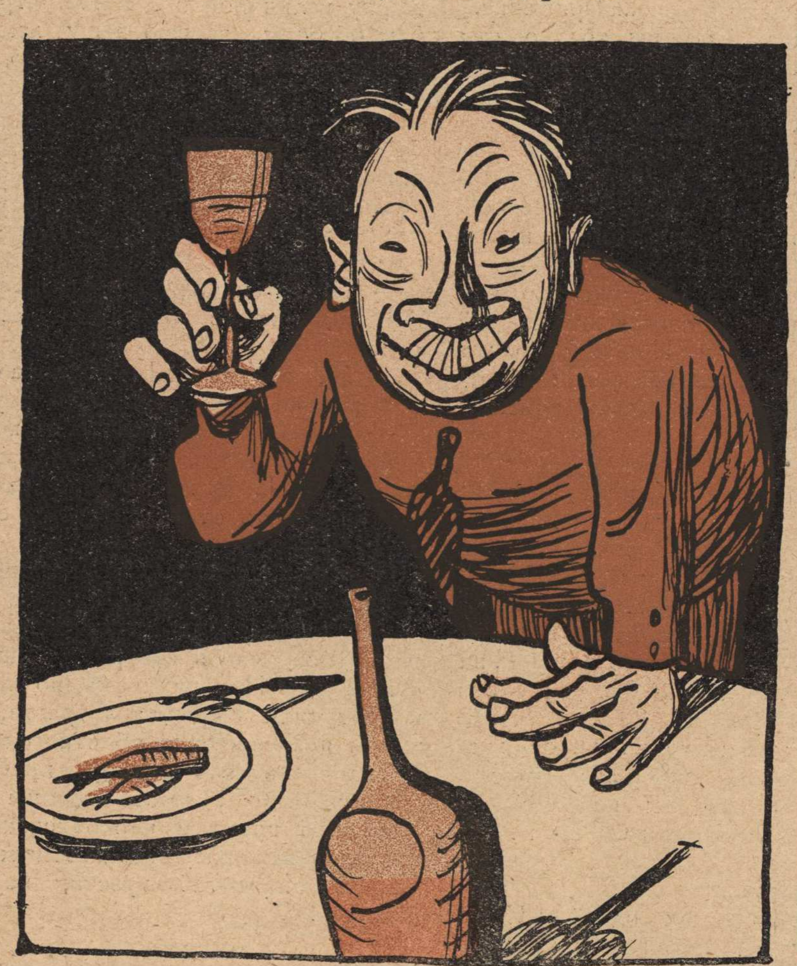
ДОПОЛНЕНИЕ К ЛОЗУНГУ

Рис Б. Малаховского

Несмотря на развитие физкультуры, клубной сети и кино, — водка попрежнему занимает видное место в быту рабочего.

— Хороший лозунг „За здоровье!“

— Я бы только немного дополнил его: „За ваше здоровье!“

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР „СМЕХАЧА“ — СПЕЦИАЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ

???
СПРАШИВАЙТЕ

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА“

№ 19 МАЙ 1928 ГОДА № 19

!!!
ОТВЕЧАЕМ

СПРАШИВАЙТЕ!!!

БОС отвечает на все, начиная от автобусного движения и кончая производством снимательных картинок. В особо экстренных случаях карета скорой помощи БОС'а выезжает с двумя специалистами на дом и на месте дает раз'яснение по затруднительному вопросу. Требуйте!

ВЕСЕННЯЯ КАМПАНИЯ

№ 00012345 (В) (Ж) (О) Циркулярно

Всем Край, Обл. и Губ.

Сего числа на вверенной вам территории зима отменяется, в виду наступления в плановом порядке весны, каковую считать наступившей.

Для проведения кампании предлагается:

1) следить, чтобы во время паводка уровень воды в реках был выше довоенного,
2) немедленно распустить почки на подведомственных деревьях и увязать скворешни,
3) следить, чтобы экскурсии протекали в намеченных руслах,
4) посеять лозунги о лыжном спорте,
5) насадить футбол, разбить площадки для „цветов жизни“,
6) удлинить рабочий день солнца, согласовав с профсоюзом коммунальников,
7) принять меры к накоплению пыли на протоколах.

П. п. *Б. Ю. Рократов*

ЗАГРАНИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ответы провинциальным читателям

— „Форвертс“ не стенная газета, а публичная. В переводе на русский язык означает „Вперед за веру, царя и отечество“.

— Детердинг не король Франции, а только арендатор министерства иностранных дел.

ЗАЛОГ УСПЕХА

Редкий снимок бодрых работников связи,— неутомимых почтальонов, спешащих в контору „Смехача“ с очередными запросами в БОС.

ХРОНИКА ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ

ГОЛОВНЫЕ РУКИ

Специалисты БОС'а по отделу открытий и изобретений шлют свою товарищескую благодарность критику А. Лежневу, который в газ. „Правда“ опубликовал следующие ценнейшие открытия беллетриста С. Малашкина в его новой повести „Народный Комиссар“.

Малашкин заставляет руки расти из головы („головы повертывались друг к другу... поднимали руки и т. д...“, стр. 60), переставляет мочки от ушей к глазам („Мочки глаз“... стр. 47) и считает сивый цвет едва ли не самым распространенным их цветом, он говорит об окнах „из целого венского стекла“, хотя речь очевидно идет о цельном. Ему ничего не стоит написать: „лица у ожидавших были пасмурны, несмотря на большую полноту и полнокровие“.

С чувством негодования БОС предлагает обществу содействия молодым изобретателям немедленно выдать гражданину Малашкину патент на головные руки и глазные мочки.

НОВЫЙ ЯЗЫК

МОСКВА. *Л. Н. Т.* На-днях я прочел в одной газете, что

на земном шаре насчитывается 2796 разговорных языков.

А в другой газете я прочел начало следующих стихов С. Кирсанова:

К нему
не подходят
еще
поезда,
а в 8 часов
с половиною
извозчик несет,
получив из места,
на зарева
на плавильные.

Ответьте мне, пожалуйста, на каком из 2.796 языков написано это стихотворение?

Ответ. Некоторые слова на русском, а об извозчике,— который „получил из места“— на остальных 2.795 языках.

ЗДОРОВЬЕ—ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Любопытный снимок, на котором изображена активная участница производственных

совещаний в момент, когда разбирается тридцать третий вопрос повестки дня.

NOTA BENE

Не склонный сызмальства к бахвальству,
Подобострастье сдав на слом,
Ты можешь насолить начальству..
Суп за обеденным столом.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Редакцией БОС'а получен ряд вопросов, на которые наши специалисты категорически отказываются дать ответ, находя их не фактическими и не созвучными современности. В порядке их получения вопросы эти таковы:

1. Чем чорт не шутит?
2. Где наше не пропадало?
3. Скажи, зачем тебя я встретил?
4. Где вы теперь, кто вам целует пальцы?
5. Откуда ветер дует?

Тов. БОГОРАДУ, ПРИСЛАВШЕМУ „ШАРАДУ“

Вы прислали такую шараду: „Мое первое — *ворона*, второе — *поп*, а целое — *пресмыкающееся*(Отгадка: *Кар-кадил).*“

И кстати спрашиваете:

— „Могу ли я поступить в *Вус*“?..

Нет. По русской поговорке, можете „в Вуз не дуть“!..

ОБ'ЯВЛЕНИЯ

ОДНИМ ПАЛЬЦЕМ

играю на пианино, выстукиваю на машинке, а также указываю на лиц, желающих купить весеннее пальто, когда ни пальто, ни калош в продаже нет.

Имею большой опыт и солидные рекомендации.

ВЫПАДЕНИЕ ВОЛОС

из булок в последнее время не наблюдается. Выпадают больше гвозди и черепки.

ОТВЕЧАЕМ!!!

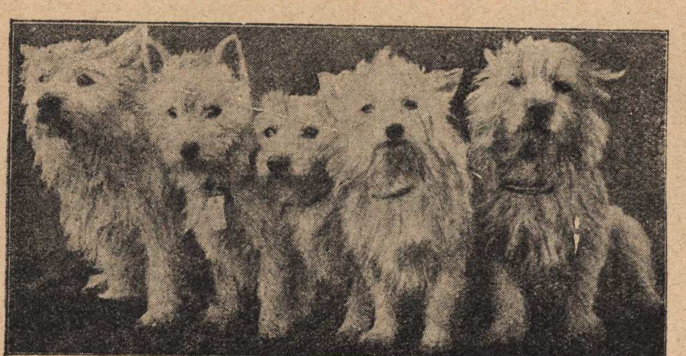
Спецеедство не профессия, а душевная болезнь. Досрочным освобождением называется развод на вторую неделю после записи о браке. Веронал — патентованное снотворное; продается в аптеках и печатается в виде повестей в журналах.

КАРТОЧКА-СТАНДАРТ

Предъявитель сего . .
. . . .
действительно гениальный писатель и его . . .
. . . .
произведения блещут талантом, что подписью удостоверяю.
. . . .
. . Место для автографа (М. Горький)

Получить похвалу от Максима Горького — вот мечта каждого советского писателя. Алексей Максимович очень горячо относится к начинающим и своим теплым словом придает им бодрость. Помещаем выше карточку-стандарт, изобретенную отделом рационализации БОС'а.

УГОЛОК ЖИВОТНОВОДСТВА

Образцы собак, навешиваемых на шею режиссеру, вздумавшему несколько отойти от шаблона.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КУЛЬТУРЫ В КАВЫЧКАХ

(Окончание)

УНИВЕРМАГ.— Место, где можно раздеться с ног до головы.

ФОКСТРОТ.— Танец, вызывающий колебания не только у танцующих, но и у культпросвета.

ХОЛЛИВУД.— Заведующий идеологической частью Совкино.

ЦЕМЕНТ.— Материал, скорей строительный, чем читательный.

ШЕЛКОВЫЕ ЧУЛКИ. — Паутинка, запутывающая материальные дела мужа.

ЩЕЛЬ АВТОМАТА. — Последний путь царского гривенника.

ЮПИТЕР. — Единственное светило в нашем кино-деле.

Я ПЛАЧУ! — Самая приятная фраза в устах вашего собеседника в ресторане.

СТРАДАЕТЕ ЛИ ВЫ МИГРЕНЬЮ?

В ГАБТЕ

Рис. А. Радакова

Назначена правительственная комиссия по расследованию склочнической деятельности дирижера ГАБТ'а Голованова.

Сначала в театре все шло „из под палки“...

... а потом оказалось, что дирижерская палочка тоже о двух концах.

КРИТИК

В обычное время он служит выпускающим в одном из еженедельников. Он заведомо не умен, невежественен и вдобавок туг на ухо. В типографии его не выносят.

— Экая скотина — обычно ругается метранпаж: — только мешает!

Но раз в году, весной, он расцветает, как альпийская роза, и из скромного выпускающего делается авторитетным художественным критиком.

Одна за другой, как служебные неприятности во время очередного отпуска, открываются выставки картин. На вернисажах он — почетный и неизменный гость. У него — пригласительный билет, ему предупредительно подносят каталог. Еще бы! Ведь это сам... Длинная, не слишком благозвучная фамилия его приводит художников в трепет.

Он останавливается перед портретом какого-то ответственного военного дяди с двумя ромбами на петлице. Портрет, как портрет; угрюмый, явно скучающий, — позировать нестерпимо скучно, — дядя сидит на фоне роскошного пламенеющего неба.

— Заметное влияние Веласкеза! — важно говорит критик.

По совести говоря, Веласкез на портрет никакого влияния не оказал; наоборот, несомненно влияние жены художника, которой как раз к весне понадобился новый костюм.

— Хотя, — торжественно продолжает критик: — в манере, коей написан портрет, есть что-то от манеры Цорна.

В свое время критик удосужился прочесть „Историю искусств" Гнедича, второй том Вермана, десять страниц из Муттера и две или три популярных монографии. Вычитанные когда-то имена спутались, но все же остались в памяти. Художники же, как известно, — вообще, ничего не читают, — до чтения ли, когда не позже 15 нужно сдать заказанный в госпорядке холст?

— Мда, — продолжает критик: — во всяком случае, в этом портрете что-то есть.

Критик степенно обходит десятки холстов и оглушает наивных художников бесчисленными именами и терминами.

Около огромного холста, изображающего ночной бой у Перекопа, при чем, несмотря на ночь, красные знамена написаны чистым суриком, а у красноармейцев, даже у раненых, победно улыбаются лица, — критик сосредоточенно останавливается и восхищенно говорит:

— Настоящий Делакруа!

По мере обхода первого зала критик устает, настроение портится, и во втором зале он уже начинает придираться.

— Где фактура, — сердито говорит он: — я вас спрашиваю, разве это фактура?

Это, конечно, не фактура, а просто на просто халтура; фактура тут не при чем, — но надо же на чем нибудь выявить дурное настроение.

— Беспомощнейшая композиция! — безапеляционно решает критик.

Почему композиция этой картины беспомощна, он и сам не знает. Возможно, что можно было скомпановать четырех зеленых утопленников, изображающих „Заседание сельсовета", как-нибудь иначе. Но настроение критика ухудшается с каждой минутой.

В пределах второго зала жестокая критика его носит характер исключительно формальный. В третьем уставший до нельзя и окончательно обозленный критик вспоминает о том, как он некогда под давлением суровой экономики прослушал краткий курс политграмоты.

С этого момента ожесточенная критика принимает характер уже не формальный, а идеологический.

— Где социальный заказ? — горестно вопрошает критик: — социального заказа не вижу.

— Извиняюсь, — почтительно докладывает недоумевающий художник: — да мне из самого Реввоенсовета заказывали...

Но критик не унимается. В одном из холстов он находит обывательский душок в передаче воздушной перспективы; в другом — обнаруживается контр-революционный раккурс; в третьем — в самом настроении натюр-морта чувствуются мелко-буржуазные уклоны художника.

— Такая станковая живопись, — язвительно говорит критик, — победившему пролетариату не нужна!

Какая именно живопись нужна пролетариату, критик знает еще меньше, чем те расстроенные и переминающиеся с ноги на ногу художники.

Но критик уже изрекает не слова, а целые цитаты, художники же краснеют и бледнеют и некстати вспоминают, что нужно будет обязательно записаться в АХХР.

— Авось, перестанет лаяться... — со смутной надеждой думают они.

Вечером обессилевший критик отправляется домой, переобувается в мягкие войлочные туфли и садится за стол.

Надо написать рецензию. Последняя, впрочем, раз навсегда написана им еще пять лет тому назад.

— „Общий уровень выставки" — начинает критик: — „свидетельствует о значительных успехах, достигнутых сравнительно с прошлым годом. Несомненно, что в трудовой массе своей советские художники хотят идти нога в ногу и соответствовать..."

В заключение критик снисходительно похлопывает по плечу Леонардо-да-Винчи и Рубенса, благоговейно восторгается изумительным мастерством вчерашнего вхутемасовца и ругательски ругает за бездарность некоего безответственного художника, осмелившегося с год назад в частной беседе усомниться в его, критика, умственных и прочих способностях.

На завтра в редакции досадливо перечитывают рецензию, сокращают ее вчетверо и раздраженно говорят:

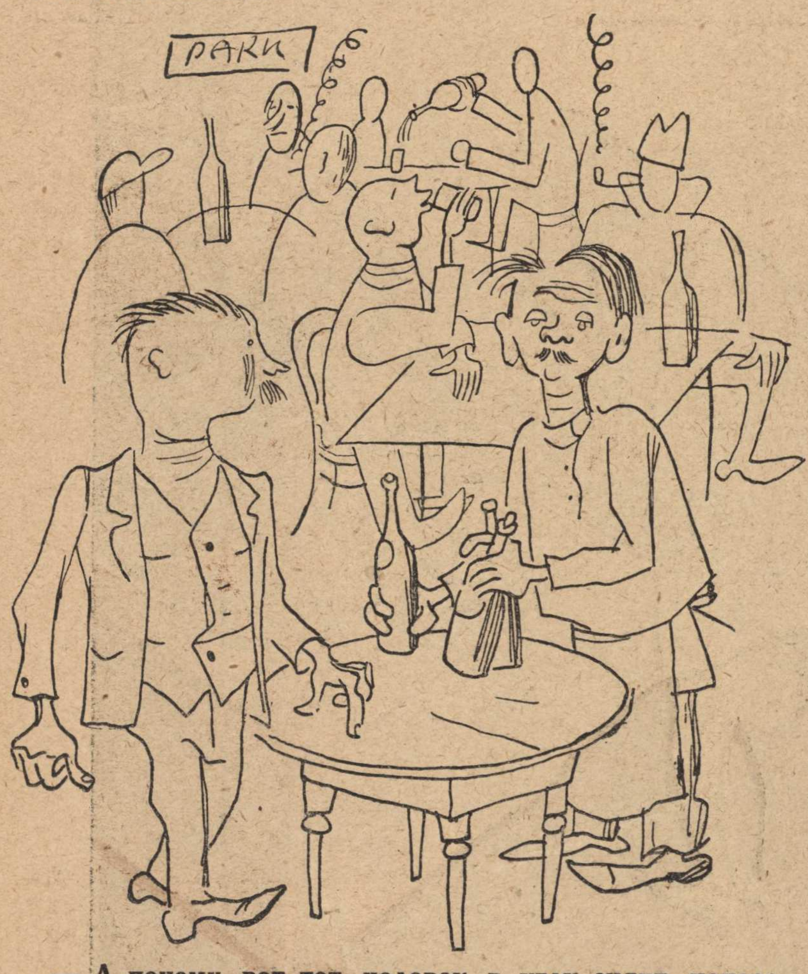
— И всегда этот идиот, чорт знает, что напишет! Впрочем, ничего не поделаешь, придется пустить. Как никак, художественный критик не штукатур, — с биржи его не получишь!

В редакции, к несчастью, ошибаются: свободных штукатуров в связи со строительным сезоном как раз нет на бирже...

И. Свэн

ОСТОРОЖНЫЙ ПОДХОД

Рис. Б. Малаховского

— А почему вот тот человек в углу сидит, нехорошими словами ругается, а вы его не выводите?

— Нельзя-с: а может они самокритикой занимаются?

КОМСОМОЛЬСКИЙ „АКТИВИСТ“

Рис. Кукрыниксы

— **Товарищ, передай, пожалуйста, эту записку.**
— **В президиум?**
— **Нет, — вон той рыженькой...**

МОГУЧИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Жизнь бешено идет вперед. Каждый день приносит что-нибудь свеженькое. Американцы, шутя, перелетают экваторы. На полном ходу грабят поезда.

У нас достижения более мелкие. Автобусы с трамваями сталкиваются. В кооперативах выдают пайщикам орехи и подсолнечное масло.

Единственное, что хромает в наш неслыханный век пара и электричества,— это пословицы. Эта народная мудрость у нас почему-то в полном застое. Сплошь и рядом рабоче-служащие, за полным отсутствием новых поговорок, вынуждены употреблять старые Даль‘евские (словарь такой), безнадежно устаревшие и никак не отражающие нашей многогранной действительности.

Восполняя этот досадный пробел, мы совершенно задарма предоставляем трудящемуся населению целый ряд исправленных и новых пословиц, поговорок, речений и прибауток, пригодных к использованию каждой небогатой семьей не только дома, но и на службе, и ярко освещающих весь уклад нашего чортовски жаркого времени.

За массовую современную поговорку! Ура!

Даль! В даль!

Пословица переходного времени (товарообменная).

Не красна изба углами, а красна персидскими коврами.

Пословицы, рисующие свежую жизнь провинции.

Все про одного, один про всех.
На уездный роток не накинешь платок.
Собака лает — сосед доносит.

Пословицы нарпитовские (вкусовые и инвентарные).

Масло кашу портит.
Ешь пирог с гвоздями, а язык держи за зубами.
С‘евши суп, по волосам не плачут. (Поговорка, любезно присланная со стороны).
Семеро с окрошкой, один с ложкой.
Аппетит проходит во время еды.

Пословицы транспортные.

Пути сообщения неисповедимы.
За двумя зайцами погонишься — целый вагон поймаешь.

Пословица нарком‘юстовская.

За одного битого и двух месяцев не дают.

Пословицы канцелярско-учрежденческие.

Родной человек родному человеку — не волк.
Удостоверение о семи печатях — и то спотыкается.
Ревизор едет — когда-то будет.
Дела не идут — контора пишет.
Мели, Емеля — рационализации неделя.
Много штату из-за ничего.

Пословицы кооперативные.

Каков кооп, таков и приход.
По одежке встречают, по чеку провожают.
На „закрыто на обед“ — и суда нет.

Пословица шофферская.

Еду, еду — не свищу, вот наеду — засвищу.

Пословица детская.

Детишкам на коньячишко!

* * *

На сегодня хватит!

Оставшиеся проблемы нашей жизни когда-нибудь, при совершенно свободном времени, будут вновь поставлены на обсуждение широкой читательской массы нашего журнала.

Пока!

Ал. Нератов

ТАК БЫВАЕТ

Хроникер пишет:

„Вчера, в два часа дня, на заводе им. тов. ХМУРИНА от неизвестной причины вспыхнул пожар. Кровавые языки пламени жадно лизали стройные постройки завода. Рабочие энергично спасали свой родной, близкий их сердцу завод. Громко рыдали заводские гудки, сзывая всех на охрану имущества. Пожарные части, под управлением брандмейстера тов. Бобке, проявляли героизм, свойственный этим доблестным работникам коммунального хозяйства.

К трем часам дня пламя достигло своего апогея. Пламя выбивалось уже наружу, и тысячная толпа собравшихся могла видеть, как героически отстаивали рабочие свой завод. Струи воды красочно отражались в зареве пламени. Черный дым стелется по весеннему голубому небу, словно кто-то огромной кистью нарисовал на голубом полотне...“

И т. д. на 400 строк.

Зав. хроникой исправляет:

„Вчера, в 2 часа дня, на заводе им. Хмурина, ул. Карла Маркса, вспыхнул пожар. Убытки еще не выяснены. Рабочие и все команды энергично и героически защищали родной завод от стихии пламени. Пожар был утушен к 8 часам вечера.“

Утром заметка появляется в газете в таком виде.

„От неизвестной причины вчера загорелась сажа на заводе им. Хмурина. Убытки выясняются.“

Д. М.

КУЛЬТУРНЫЕ МЫСЛИ

1. И в кино бывают светлые моменты: эти моменты — антракты. Когда зажигают свет.
2. Не удивляйся, что в современных театрах так много люков на сцене. Они сделаны для провала.
3. На вопрос, что такое „вечер современной поэзии“, — не отвечай стихийное бедствие.
4. Трещины в доме — еще не образуют дом просвета.
5. Самыми модными портнихами считаются те, которые шьют юбки по принципу „коротко и ясно“.
6. Заборные книжки бывают не только в коопах, но и в госиздатах.
7. Если ты распорядитель танцев, не больно увлекайся идеологией и не кричи вместо „ангаже во дам“ — „вовлекайте женщин“. Это — лишнее!
8. На общественном просмотре можно не только просмотреть картину, но и проморгать ее.
9. Хотя чистота — залог здоровья, но в ломбарде этот залог не принимается.

ОСТРЯТ!

На очередную „Смехачину“ ответы поступают беспрерывно, приближаясь к идеальной конвейерной системе...

З. П—ая из Ростова на вопрос: **„На что жалуетесь?“** отвечает:

— **„На характер. Четвертый муж уходит.“**

Н. И. П—в из Свердловска в ответ на вопрос: **„Какая вас собака укусила?“** сообщает:

— **„Спрашивал фамилию—не отвечает.“**

Царицынец Д. Н—ский на вопрос: **„Что вы имеете пред‘явить?“** докладывает:

— **„Разнообразные виды на лучшее будущее.“**

Катя П. из Самары очевидно погрязла в безнадежном пессимизме и в ответ на вопрос: **„На что жалуетесь?“** простодушно рассказывает:

— **„Как человек рассеянный, я жалуюсь в аптеке на неудачную любовь, а в загсе на головную боль.“**

Условия премирования в следующем номере.

НЕМНОЖКО ИСТОРИИ

Рис. К. Р

— **Папа, откуда взялась поговорка: „маслом каши не испортишь“?**

— **У, милый, поговорка эта древняя: тогда еще масло было!**

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Спортивный журнал „Спартак“ составил (см. ленинградскую „Вечернюю Красную Газету“ № 88) следующее об‘явление:

> **ПОСЛЕДНИЙ И РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ...**
> Выбито 4 дюжины зубов.
> Сломано 49 ребер.
> Разбито 52 носа.
> **? ГДЕ ?**
> **ЧИТАЙ журнал „СПАРТАК“ № 12**
> Требуйте у всех газетчиков. Цена—12 коп.

Уместно ли связывать со сломанными 49 ребрами и разбитыми 52 носами... торжественные слова Интернационала?

„В здоровом теле — здоровый дух“ — это хорошо, но когда „В здоровом теле — нездоровый мозг“ — это плохо.

*

Все мы знаем выражение „Нем, как рыба“. Поэт Евгений Шалыт („Пионерская Правда“, № 13) энергично опровергает этот устаревший подход к бессловесной рыбе:

И услышавши песню широкую,
не понявши в ней ничего,
окуни в Оке тоже окают,
с выговором нижегородским на о!

Очень жаль, что, прочитавши стихотворение Шалыта, редактор „Пионерской Правды“ не сказал:

— Не подходит! —
„с выговором нижегородским на „о“!

*

Журнал „Читатель и писатель“ (№ 16) поместил статью „По московским читальням“, в которой отмечаем нижеследующее:

Очкастый, худощавый читатель хватает принесенный „Смехач“ и, восторженно потрясая им, тычет в нос библиотекарю.
— Что, здорово прокатили?

К этому необходимо добавить: чтобы прокатиться в течение получаса в такси (мы уже не говорим о прокатном автомобиле), надо заплатить свыше трех рублей.

„Смехач“ же прокатывает всех желающих совершенно бесплатно...

Пожалуйте, граждане!

*

Некий царь высек море. У „Вечерней Москвы (№ 80) более мирный нрав: она высекла... реку:

В Минске разливом реки Свислочи затоплены часть городского сада и ипподром. Вода угрожает электрической станции. Принимаются принудительные меры.

Не принимаются ли редакцией принудительно плохие корректора?

ТЕСОЗВЭП

Новый человек пришел в театр. Новый человек созвал труппу. Новый человек сказал речь.

— Ясно, как дважды два: имманентной гипертрофии конец!

Приблизьтесь к массам, дайте рабочему зрителю простое и понятное: гиньоль, кульбитт, софит, гуммиарабик!

— Чего хочет новый, простой и неискушенный зритель? Он ясно пред'являет требования: не усложняйте мне жизнь комедией или драмой, дайте мне что-нибудь попроще: био-грамматику, гротеск-амальгаму или просто обер-интеллекто-ритмику!

В области постановочной план изотермический нужно заменять процессуально-рефрижираторным.

Всякий рабочий и крестьянин будет радостно кричать: Долой гротескный анабиоз древности, да здравствует профилактико-симбиотический прогноз революционной спектропризмы! Да здравствует Тесозвэп! Труппа не выдержала. Она вскочила, с горящими глазами, с вдохновенно поднятыми руками. В диком восторге она... разбежалась.

А новый человек кричал вслед: „Тесозвэп“ — это театр созвучный эпохе, так сказать, мортирология...— потом он оглянулся в грустном одиночестве.

— Вечная трагедия непонимания: „Отцы и дети“, „Борьба миров“, „Горе уму“... трансцедент-рефлексы...

М. К.

ВЫСОКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

Рис. Кукрыниксы

ПИСАТЕЛЬ: — Прошу предоставить мне дополнительную площадь: я писатель высшей квалификации!

ПРАВЛЕНЕЦ: — Чем вы это докажете?

ПИСАТЕЛЬ: — Да как же, — меня все критики ругают...

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

СЛОЖНАЯ ПРОБЛЕМА

„... Вся грамотность твоя—три буквы на заборе,— писал Демьян Бедный, говоря о нашей некультурности, безграмотности и дикости.

Вот копия приказа по правлению Уссурийской железной дороги:

Начальникам отделов и частей правления, копия: МК

. . . .

Прошу широко оповестить всех служащих, что для уничтожения в уборных существующих надписей и рисунков, уборные будут вновь выкрашены, но если и после этого на стенках появятся такие надписи, двери у уборных будут сняты, а если и это не поможет и надписи будут появляться, будут разобраны и перегородки между уборными...

Тогда заборные „ретирадоры“ попытаются использовать для своего творческого вдохновения полы... и придется полы разобрать?.. Чорт возьми, какой же, однако, выход их этого безвыходного положения?

Не ликвидировать же правление железной дороги... из-за какой-то уборной?! Тупик! Ужас! Мрак! Полная безысходность... „Молчите, проклятые струны!...“

ПОДДЕРЖАЛ

Рекорд сутяжничества побила Мурманская железная дорога, *пред'явившая иск к Химуглю в Киеве в сумме одного рубля сорока копеек. Дело это тянулось два года, и в это время представитель Мурманской жел. дор. для поддержания иска дважды выезжал в Харьков.*

Не повезло представителю Мурманской железной дороги... но какое удовольствие судиться в Харькове? Там и климат в последнее время не того.

Вот не служба была бы, а малина, если бы Мурманской железной дороге задолжали рупь сорок копеек... Тифлисские бани. Можно было любопытно попутешествовать: то морем проехаться до Батума, оттуда на Тифлис, то махнуть по волшебной Военно-Грузинской дороге, то в ожидании слушания дела в Боржоме водичку попить, то... да мало ли на какие жертвы можно пойти (а тем более на казенный счет поехать!) ради „взыскания“ рубля сорока копеек?..

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Здесь — Анохину.

По поводу вашего рассказа — вам отправлено письмо по почте.

Уфа — Типу.

Пешу в Смехачь стихи я смело
Смехачь от их не обалдеет
Ведь смелым право бог владеет!..

Чем ваш бог владеет,— мы не знаем, но что вы стихом не владеете— это неопровержимо!

Тула — Пеке. — Пойдет.

СМЕХАЧИНА № 7

1. Какого вы знаете лучшего самокритика?

2. Сколько их, куда их гонят?

Все ваши ответы и неожиданные заявления будут опубликованы в „Смехаче“!

Издатель — „ГУДОК“. Адрес редакции — Москва, Тверская, 28. Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № А—12.864. Отп. в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский пер., 13. Тираж 110.000.

„РАЗВЕРТЫВАНИЕ СЮЖЕТА"

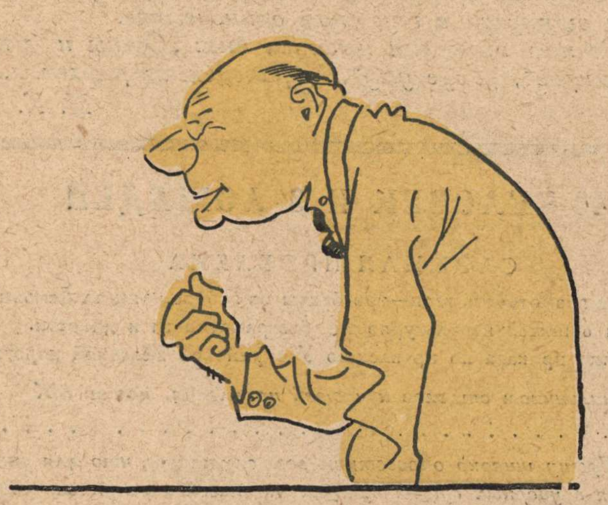
Рис. К. Ротова

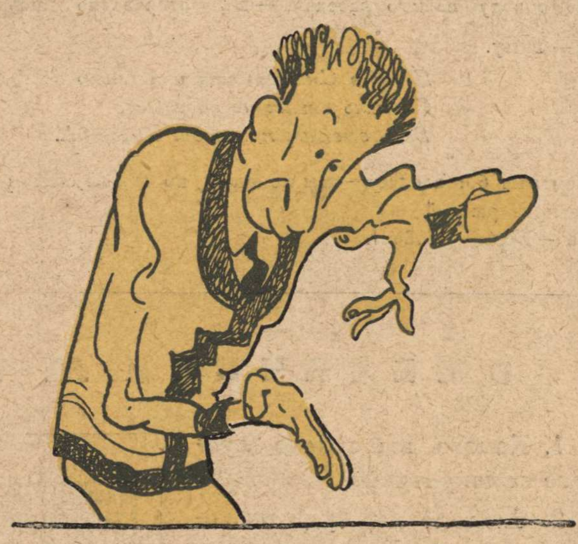
— Товарищ, — сказал шеф журнала, — у меня есть прекрасная тема: нарком встречает своего заместителя и говорит...

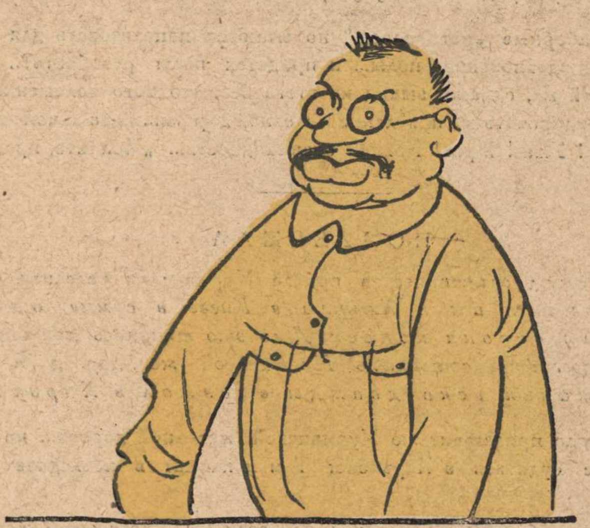
— Я бы эту прекрасную тему разрешил так,—перебил его завредакцией.—Не нарком встретил заместителя, а, скажем, помзав вошел в кабинет зава и говорит...

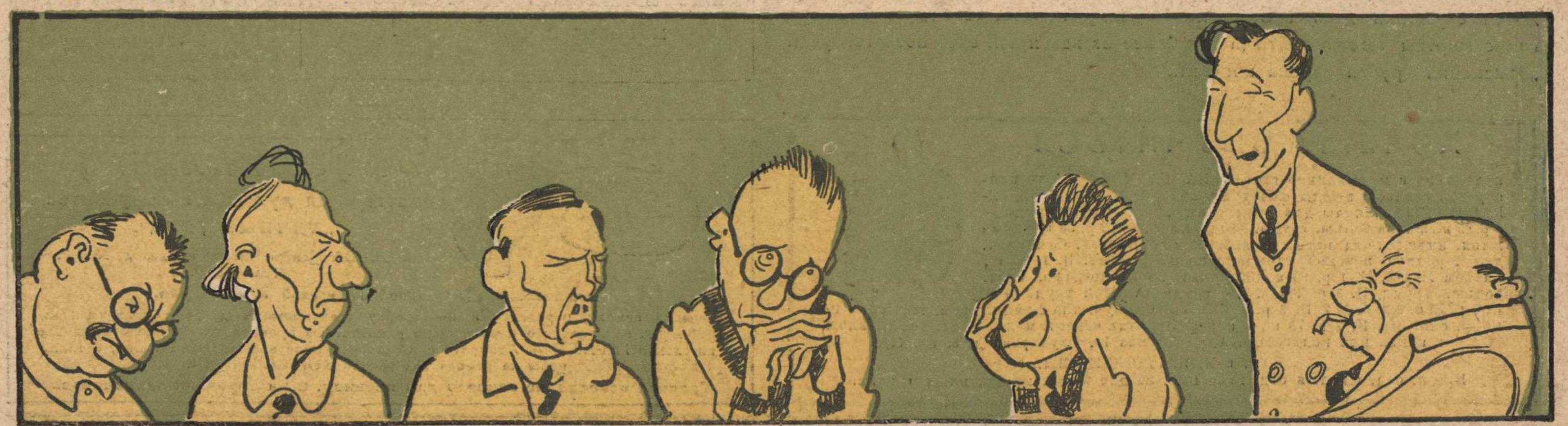
— Почему именно зав, — осторожно заметил секретарь редакции,— когда можно оформить так: главбух кивнул головой помбуху и говорит...

— Есть еще более мягкий подход,—бурно вмешался художник — пассажир влезает в трамвай с передней площадки, увидел милиционера и говорит...

— А почему бы,—со вздохом сказал фельетонист,— не сделать тему еще помягче: внештатная уборщица подает руку курьеру и говорит...

— А у меня, кстати, есть очень острая подпись в связи с самокритикой! — мрачно заметил один из сотрудников: — „Какая проклятая погода!" — говорит внештатная уборщица. — „Тссс!" — останавливает ее машинистка — „Не смейте так резко критиковать: помните, что вы не дома, а в учреждении!.."